

МИНОБРНАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра всеобщей истории

**Сирийский вектор российско-иранских отношений в период
«Арабской весны»**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 2 курса 262 группы
направления 46.04.01 «История»
Института истории и международных отношений
Хамид Мариам Салман Хамид

Научный руководитель

Доцент, к.и.н.

Должность, уч. степень, уч. звание

подпись , дата

А.В. Баранов

инициалы, фамилия

Зав.кафедрой

Профессор, д.и.н.

Должность, уч. степень, уч. звание

подпись , дата

Л.Н. Чернова

инициалы, фамилия

Саратов 2019

Введение. Ближний Восток всегда играл особую роль в истории мировой политики, являясь, в силу своего выгодного географического положения и ресурсного потенциала, центром притяжения и объектом соперничества великих держав и одновременно – источником угроз, сердцем чуждой и конкурентной Западу мусульманской культуры, центром «столкновения цивилизаций». Мотивы и стратегии сторон в этом столкновении в новейший период истории сходны с теми, что двигали ими во времена крестовых походов или схваток на поле «Большой игры». Принципиальная разница заключается в масштабах последствий, которые на современном уровне развития информационно-коммуникационных технологий и распространения оружия массового уничтожения приобретают глобальный характер, а также – в составе ведущих участников. Изучение современного Ближнего Востока, таким образом, актуально как с точки зрения изучения исторических закономерностей происходящих там процессов, так и из соображений значимости региона в контексте международной безопасности.

Несомненно, одним из важнейших событий новейшей мировой истории стала «арабская весна» и выделившийся на фоне этого движения сирийский кризис. Начавшийся в марте 2011 года с волнений внутри страны, гражданский конфликт в Сирии фактически перерос в конфликт глобального характера, в котором наряду с противостоянием сирийских властей и вооружённой оппозиции столкнулись интересы государств, представляющих собой региональные центры силы, а также влиятельных внерегиональных игроков. В этом ряду особое место заняли Россия и Иран. Оба государства обладают значительными внешнеполитическими амбициями: Россия видит себя мировой державой, одним из столпов многополярного мира; Иран убежден в своей роли духовного и политического идеала для всех мусульман ближневосточного региона. Оба государства при этом испытали на себе груз внешнеполитической изоляции и давления со стороны западных стран и в определенной степени противопоставили себя Западу. Оба государства выразили поддержку правящему режиму Сирии и выступили единым фронтом против врагов Дамаска, а также – против вышедшей на новый уровень в контексте сирийского кризиса угрозы международного терроризма; выступили гарантами дипломатического процесса и политического урегулирования конфликта. Подобное созвучие стало уникальным явлением в истории двух стран, и в этой связи актуальным является изучение специфики современного этапа российско-иранского взаимодей-

ствия, анализ его концептуальных основ, определение потенциальной базы для сотрудничества и выявление стратегических противоречий, оценка перспектив развития двустороннего партнерства.

И для России, и для Ирана Сирия стала своеобразным трамплином для прыжка в большую политику, полигоном для испытаний их военного, дипломатического и морального потенциалов, площадкой для апробации проектов государственного строительства. При учете того, что сирийский кризис еще не урегулирован до конца, не исключено, что именно победа, поражение или компромиссное согласование российского и иранского проектов определяют будущее сирийского государства и окажут значительное влияние на политическую картину Ближнего Востока в целом.

Целью магистерской работы является выявление особенностей российско-иранского взаимодействия в ходе урегулирования кризиса в Сирии, определить базовые установки и мотивы сторон, оценить эффективность и перспективы этого сотрудничества.

Для достижения поставленной цели представляется целесообразным решить следующие **задачи**:

1. определить место Ближнего Востока во внешнеполитической стратегии России в XXI веке и выявить причины интенсификации российской политики в регионе после начала «арабской весны»;
2. рассмотреть взгляды иранского духовного лидера на события «арабской весны» через призму концепции «Исламского пробуждения»;
3. проанализировать специфику сирийского этапа «арабской весны», определить состав и мотивы основных участников конфликта, составить представление об условиях и предпосылках возникновения на сирийском поле российско-иранского альянса;
4. рассмотреть основные направления сотрудничества России и Ирана по урегулированию сирийского кризиса и выявить области противоречий, возникающих между странами в Сирии в регионе в целом.

В силу важности и актуальности обозначенных проблем выбранная тема ВКР в различных ее аспектах находится в фокусе внимания исследователей и разрабатывается в научной литературе. В отдельный блок историографии можно выделить отнести исследования, посвященные общему анализу конфликтов на Ближ-

нем Востоке – истории и причинам их возникновения¹ и специфике развития на современном этапе². В этом ряду следует особо выделить те труды российских исследователей, в которых в через призму анализа конфликтной компоненты в истории развития ближневосточного региона рассматривается революционный феномен «арабской весны» и делаются выводы относительно влияния этих событий на трансформацию глобальных мирополитических структур. Здесь можно назвать коллективную монографию «Революции и нестабильность на Ближнем Востоке»³, в которой «арабская весна» рассматривается как явление, маркирующее изменение всей структуры современного мироустройства, как признак «рекофигурации Мир-Системы».

Важное значение при написании данной работы имели исследования, посвященные непосредственно кризису в Сирии как элементу «арабской весны». В работах Б. В. Долгова⁴, В. М. Ахмедова⁵, В. А. Кузьмина и Н. В. Соколова⁶, А. Р. Шишкиной⁷ рассмотрены предпосылки активизации протестных движений и составлена хронология первых этапов развития кризиса; названы силы, действующие на полях конфликта, и выявлены мотивы их действий; выделены те черты, которые роднят кризис в Сирии с революционными событиями в Тунисе, Египте, Ливии, и специфические характеристики сирийских процессов, проявившиеся в ходе их развития.

¹ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. Пособие для студентов вузов / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

² Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015.

³ Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2015.

⁴ Долгов Б.В. Сирийский кризис // Политическое просвещение. № 3(92) 2016. URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=5474&journal=188> (дата обращения: 29.05.2019); Долгов Б. Сирийский кризис на новом этапе: международное измерение // Перспективы. 11.09.2018. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/sirijskij_konflikt_na_novom_etape_mezhdunarodnoje_izmerenije_2018-09-11.htm (дата обращения: 29.05.2019).

⁵ Ахмедов В. М. Сирия – некоторые проблемы национальной безопасности в условиях «Арабской весны» (март 2011-январь 2012 гг.) // Russian Middle East. 10.10.2014. URL: <http://bit.ly/24g89i9> (дата обращения: 19.05.2019).

⁶ Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Причины сирийского кризиса и его развитие в 2011-2015 гг. // Уральское востоковедение: международный альманах. Екатеринбург, 2018. Вып. 7. С. 140-148.

⁷ Шишкина А.Р. Сирия: секреты стойкости режима / Ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны. М.: Ленанд, 2013. С. 323–353.

Одной из особенностей сирийского кризиса стала многочисленность и многообразие участников. Изучение мотивов и целей каждого из влиятельных игроков в Сирии по отдельности и во взаимодействии также стало важной проблемой для изучения специалистами. В рамках темы данной ВКР наибольшую значимость имеют работы, в центре внимания которых находятся концептуальные вопросы политики России и Ирана на Ближнем Востоке, а также содержится анализ стратегии действий этих стран в условиях «арабской весны» и сирийского кризиса. В работах А. В. Баранова⁸ содержится детальный анализ иранской концепции «исламского пробуждения», актуализированной духовным лидером Ирана аятоллой Али Хаменеи в связи с событиями «арабской весны». На основе изучения комплекса текстов выступлений аятоллы автор формирует представление о том, каким Иран видит будущее региона и как определяет свое место в региональном пространстве. В работах В. Ахмедова⁹ и К. Саджадпура¹⁰ исследуется исключительное место Сирии в региональной стратегии Ирана, объясняется изменение реакции Ирана на протестную волну в регионе по мере возрастания угрозы для сирийского режима и анализируются первые шаги иранского руководства по поддержке правительства Б. Асада.

Эволюция российской политики на Ближнем Востоке в начале XXI века, а также анализ вызовов и возможностей, открывающихся для России в регионе в связи с трансформацией региональной политической конъюнктуры в ходе «арабской весны» исследуется в статьях А. Демченко¹¹, П. Стегния¹², Д. Тренина¹³, в

⁸ Баранов А.В. «Исламское пробуждение» и «арабская весна»: внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран // Известия Саратовского государственного университета. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 71-77; Баранов А.В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9 / Под ред. А.В. Гладышева. Саратовский университет, 2014. С.190-204.

⁹ Ахмедов В. Иран и «арабская весна»: сирийское измерение // Институт Ближнего Востока. 08.07.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17886> (дата обращения: 25.04.2019).

¹⁰ Саджадпур К. Иран – единственный союзник Сирии в регионе // Московский центр Карнеги. 09.06. 2014 URL: <https://carnegie.ru/2014/06/09/ru-pub-55965> (дата обращения: 22.05.2019).

¹¹ Демченко А. «Арабская весна» и политика России в ближневосточном регионе // Перспективы. 15.09.2012. URL:http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_i_politika_rossii_v_blizhnevostochnom_region_2012-09-15.htm (дата обращения: 20.04.2019).

¹² Стегний П. Неопределенные перспективы. «Арабская весна»: вызовы для России и Европы // РСМД. 02.06.2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/neopredelennye-perspektivy-arabskaya-vesna-vyzovy-dlya-rossi/> (дата обращения: 22.04.2019).

фундаментальном труде И. Звягельской¹⁴, а также в коллективном аналитическом докладе экспертов Российского совета по международным делам (РСМД)¹⁵. На сирийской специфике российской внешней политики сосредоточено внимание в статьях Е. Степановой¹⁶ и Н. Суркова¹⁷. Подробная хроника участия Российской Федерации и ее Вооруженных сил в борьбе с международным терроризмом на территории САР и анализ значения этого участия для судьбы Сирии и региона содержится в книге «Сирийский рубеж»¹⁸.

Беспрецедентно высокий уровень взаимодействия России и Ирана при урегулировании сирийского кризиса не мог не привлечь внимания специалистов, и проблема двустороннего российско-иранского сотрудничества в пределах сирийской проблемы и за ее рамками стала предметом значительного числа исследований. Статьи Н. Кожанова¹⁹, В. Сажина²⁰, Д. Тренина²¹, содержат краткий, но емкий об-

¹³ Тренин Д. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы. // Московский центр Карнеги. 21.04.2016 г. URL: <https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388> (дата обращения: 13.04.2019).

¹⁴ Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России / Ирина Звягельская. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017.

¹⁵ Российская политика на Ближнем Востоке: дивиденды и издержки большой игры: рабочая тетрадь РСМД № 51/2019 / [И. Д. Звягельская, Н. Ю. Сурков; гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019.

¹⁶ Stepanova E. Regionalization as the Key Trend of Russia's Policy on Syria and in the Middle East // Russia's Policy in Syria and the Middle East: Determination, Delight, and Disappointment. САР Paper No. 212, January 2019. P. 9.

¹⁷ Сурков Н. Сирийский пасьянс: к чему стремятся ЕС, США и Россия. 2017 // Российский совет по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/siriyskiy-pasyans-k-chemu-stremyatsya-es-ssha-i-rossiya/> (Дата обращения: 25.05.2019).

¹⁸ Сирийский рубеж / Авторский коллектив: М. С. Барабанов, А. Д. Васильев, С. А. Денисенцев, А. В. Лавров, Н. А. Ломов, Ю. Ю. Лямин, А. В. Никольский, Р. Н. Пухов, М. Ю. Шеповаленко (ред.). Предисл. С. К. Шойгу и послесл. С. В. Лавров. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016.

¹⁹ Кожанов Н. Брак по расчету // Россия в глобальной политике. 05.05.2016. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Brak-po-raschetu-18143> (дата обращения: 23.05.2019); Кожанов Н., Мардасов А. Российско-иранское взаимодействие в Сирии: ограниченное не значит законченное // РСМД. 14.09.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/rossiysko-iranskoe-vzaimodeystvie-v-sirii-ogranichennoe-ne-znachit-zakonchennoe/> (дата обращения: 23.05.2019).

²⁰ Сажин В. Сирия: ирано-израильское противостояние и Россия как фактор сдерживания // Международная жизнь. 05.02.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21573> (дата обращения: 23.05.2019).

²¹ Тренин Д. Россия и Иран: недоверие в прошлом и сотрудничество в настоящем // Московский центр Карнеги. 08.09.2016. URL: <https://carnegie.ru/2016/09/08/ru-pub-64508> (дата обращения: 23.05.2019).

зор факторов, как способствующих сближению Ирана и России, так и препятствующих установлению полного доверия между двумя странами.

В этом блоке исследований стоит выделить научный доклад «Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития»²², подготовленный РСМД в партнерстве с Центром по изучению Ирана и Евразии (IRAS, Тегеран). Доклад представил взгляды российских и иранских экспертов на ключевые аспекты российско-иранского партнерства, на сходства и различия в видении общих вызовов и угроз, на проблемы глобального управления и роль великих держав в регионе Ближнего Востока. Издание было опубликовано в 2017 г., когда российско-иранское сотрудничество по Сирии находилось в наивысшей точке, и тем не менее, эксперты с обеих сторон утверждали, что применять термин «стратегическое партнерство» к отношениям России и Ирана не следует, так как каждая из сторон действует исключительно в рамках своих интересов. При этом специалисты сходятся в том, что две страны могут создать тандем, способный создать основу нового порядка и обеспечить баланс сил в регионе. В комментариях иранских экспертов при этом сквозит мысль о том, что при выборе партнера на Ближнем Востоке России следует скорее ориентироваться на Иран, нежели на США, которые ни за что не допустят роста российского влияния в регионе. Этот же тезис высказывает в своей статье иранский исследователь В. Хоссейнзаде²³.

Магистерская диссертация состоит из двух глав: первая глава – Ближний Восток во внешнеполитических концепциях России и Ирана; вторая – Проблема урегулирования сирийского кризиса и российско-иранские отношения.

Научная новизна магистерской работы состоит в том, что в ней предпринята попытка комплексного изучения внешнеполитических подходов России и Исламской Республики Иран к урегулированию «сирийского кризиса» в период «арабской весны». Также в работе проведен сравнительный анализ подходов двух стран к трактовке событий в Сирии в исследуемый период.

²² Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. Доклад № 29/2017 / [Б. Амирахмадиан, Х. Азизи, С.В. Демиденко, Е.В. Дунаева, В.В. Евсеев, П.В. Зюзин, И.С. Иванов, Дж. Карами, А.В. Картунов, Д.Киани, А.А. Князев, Н.А. Кожанов, Г.В. Лукьянов, Н.М. Мамедова, Р. Мусави, Ф. Паранд, М.К. Саджадпур, Ж. Шакиби, М.Санай, М. Шариатиниа, М. Шури, В.И. Сажин, М. Тишейар, П.В. Топычканов]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017.

²³ Хоссейнзаде В. Российско-иранские отношения в рамках урегулирования сирийского кризиса // Власть. 2017'07. С. 187-190.

Основное содержание работы. «Арабская весна» и порожденный ею сирийский кризис привели к изменению стратегии России на Ближнем Востоке, подтолкнули Москву к активным действиям, направленным на закрепление в регионе.

Вовлеченность России в события на Ближнем Востоке имеет глубокие исторические корни. Однако отказавшись от военно-политического присутствия на Ближнем Востоке в начале Войны в Персидском заливе (1990 г.), Советский Союз утратил свои позиции не только в регионе, но и в мире.

Последовательное возрастание напряженности и охлаждение в отношениях с США и странами Запада после третьего прихода В. В. Путина к власти на посту президента в 2012 г. стимулировали переориентацию внешней политики России на Восток и подстегнули желание укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, упрочив связи с ключевыми региональными державами. Демонстрируя растущие амбиции Москвы относительно внешней политики на Востоке, Концепция внешней политики 2013 г. в части, касающейся ближневосточной политики звучала при этом довольно умеренно. Сферу национальной безопасности России, обладающей значительным мусульманским населением, непосредственно затрагивала проблема роста на Ближнем Востоке исламистских идей и всплеск активности исламистских организаций разной степени радикальности.

Неоднозначность стратегии России в контексте событий первых двух лет «арабской весны» проявилась при согласовании позиций с западными странами. С одной стороны, России претила идея «цветных революций» и экспорта демократии. Поддержка оппозиционных движений за демократизацию в арабских странах воспринималась Москвой как вмешательство во внутренние дела суверенных государств и осуждалась. С другой стороны, на Россию еще действовала инерция «перезагрузки» отношений с США, а также нежелание вносить разлад в переговорные структуры, в которых работала вместе с США и странами ЕС («Ближневосточный квартет», Группа 5+1).

Расхождения с западными странами по сирийскому вопросу усугубились с присоединением Крыма к России в 2014 году и углублением украинского кризиса. Это событие фактически стало поводом для создания режима международной изоляции Российской Федерации. Это же, в свою очередь, послужило дополнительным мощным стимулом для развития ранее взятого ближневосточного курса в

русле укрепления российских позиций, соблюдения национальных интересов и содействия национальной, региональной и международной безопасности.

Одновременно к выгоде для России изменялась конъюнктура на Ближнем Востоке, где к 2015 году оформился значительный спрос на российское присутствие. Одним государствам региона, таким как Сирия, Ливия, Египет, Россия была необходима в силу их неспособности самостоятельно разобраться с социально-политическими, военными и экономическими вызовами.

Поворот России к Ближневосточному региону в качестве активного самостоятельного актора был закреплён вводом российских Воздушно-космических сил в Сирию в сентябре 2015 г., в ответ на официальную просьбу Дамаска²⁴. При этом очевидно, что интересы Москвы в сирийском конфликте были распространены шире границ Сирии. Эта страна должна была стать геополитическим оплотом России в регионе.

Исламская Республика Иран наряду с Турцией оказалась в числе неарабских государств Ближнего Востока, которым «арабская весна» открыла возможности для наращивания влияния и выдвижения претензий на геополитическое и моральное лидерство в регионе. Этому способствовали, во-первых, упадок традиционно влиятельных региональных игроков, таких как Ирак, Египет и Сирия, во-вторых - потеря авторитета арабских монархий Персидского залива, которые даже перед лицом революционной лавины, пронесившейся по региону, не желали вставать на путь либерализации режимов, в-третьих – дискредитация и разочарование в политике США и идее демократизации, осуществление которой на Ближнем Востоке откровенно провалилось²⁵.

Курс на возрождение могущества Ирана и превращение его в ведущее государство региона вполне отвечал политическим запросам амбициозного президента Махмуда Ахмадинежада. Творцом же и глашатаем идейных основ новой иранской внешней политики стал духовный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи. В своем видении сущности происходящих процессов и роли Ирана в этом контексте Хаменеи опирался на концепцию исламской революции и наследие своего предшественни-

²⁴ Совет Федерации дал согласие президенту России на использование ВС РФ в Сирии // ТАСС. 30.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2302922> (дата обращения: 22.05.2019).

²⁵ Ахмедов В. Иран и «арабская весна»: сирийское измерение // Институт Ближнего Востока. 08.07.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17886> (дата обращения: 25.04.2019).

ка Имама Хомейни. Суть этого подхода заключалась в утверждении, что в основе «арабской весны» лежат те же причины и предпосылки, что и у Исламской революции, а значит, и итог будет тем же, что в Иране в 1979 году²⁶.

Термин «арабская весна» не был принят в Иране как имеющий монохромную национальную окраску. В трактовке Хаменеи волнения в регионе были не столько борьбой народов арабских стран за социально-политические преобразования, сколько стали отражением более глубокого и всеохватного процесса – стремления этих народов к подлинной независимости и единству в рамках мусульманской идентичности, возвращения их к мышлению в русле своей религиозной самобытности, «исламского пробуждения». Впервые термин «исламское пробуждение» был применен аятоллой Али Хаменеи в феврале 2011 г.²⁷, после чего получил широкое признание среди иранских исследователей. Это, в свою очередь подталкивало к мысли о необходимости восприятия иранского опыта восставшими народами.

Важнейшую роль в нарастании сирийского кризиса сыграли этно-религиозные противоречия. Сирия является многоконфессиональным государством, где правящие алавиты составляют всего 12-15% населения страны. Подавляющее большинство граждан Сирии – это мусульмане-сунниты (70%). Христиане, которые поддерживают действующую в Сирии власть, составляют 10% населения, остальные – это представители других конфессий²⁸. Алавитское учение – специфическое и закрытое, имеет, тем не менее, общие корни с шиизмом, что определило тесные связи правящей верхушки Сирии с Ираном. Это, в свою очередь, не может не вызывать недовольства у суннитского большинства. В начальный период президентства Б. Асада в стране активизировалась деятельность запрещенных в Сирии под угрозой смертной казни «Братьев-мусульман», призвавших к политической борьбе с сирийским режимом²⁹.

Что касается этнического вопроса, то главная проблема Сирии – это курды, проживающие в северных провинциях страны общим количеством порядка 4 млн. человек или 5% населения страны. Сирийские власти всегда опасались курдского

²⁶ Баранов А.В. «Исламское пробуждение» и «арабская весна»: внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран. С. 72-73.

²⁷ Friday prayers at Tehran University // The Office of the Supreme Leader. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7774> (дата обращения: 30.04.2019).

²⁸ Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Указ. соч. С. 81-82.

²⁹ Батюченко А.А. Эволюция политических взглядов «Братьев-мусульман» в Сирии // Обозреватель-Observer. 2015. № 6. С. 72-81. С. 73.

сепаратизма и стремились подавлять в зародыше любые движения курдов за независимость или автономию. При этом многие курды не имели сирийского гражданства или обладали статусом «незарегистрированного», что не позволяло им в полной мере пользоваться правами граждан Сирии. Эти обстоятельства периодически толкали курдов на столкновения с властями³⁰.

На фоне волнений в соседних странах и стремительно распространявшихся в социальных сетях антиправительственных призывов, ситуация в Сирии была накалена уже к началу 2011 г. В январе, на следующий день после первых масштабных протестов на площади Тахрир в Египте в Сирии также начались антиправительственные демонстрации и волнения. Однако до марта 2011 г. эти выступления не носили массового характера. Поводом для разрастания кризиса послужило жестокое обращение сирийских сил безопасности с подростками-демонстрантами, выступавшими 15 марта в городе Дераа. Подавление демонстрации стало катализатором мятежа, который распространился на другие города и провинции – Хомс, Алеппо, Хама, где против выступающих также было применена сила.

Позднее Башар Асад ограничил силовые акции, а в апреле-мае 2011 г. предпринял шаги навстречу требованиям демонстрантов – отменил чрезвычайное положение, сформировал новое правительство, провел кадровые перестановки губернаторов и руководителей спецслужб, вернул сирийское гражданство нескольким сотням тысяч курдов, пошел на ряд уступок суннитским богословам. Однако и эти, и последующие меры, среди которых значились отмена руководящей роли БААС, создание новой конституции, альтернативные выборы в парламент и др. оказались несвоевременными и не привели к восстановлению гражданского мира. Требования оппозиции выросли до полной смены политической системы и отставки президента Асада³¹.

В ослаблении Сирии как иранского союзника были заинтересованы монархии Персидского залива. Они поддержали сирийскую оппозицию и оказывали меры политического давления на режим Асада. В ноябре 2011 г. ЛАГ на своем экстренном заседании приняла решение «приостановить участие делегаций из Сирийской Арабской республики в заседаниях Лиги арабских государств и ее вспомогательных органов до полного выполнения ей обязательств по разрешению кризиса в

³⁰ Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Причины сирийского кризиса и его развитие в 2011-2015 гг. С. 142.

³¹ Сирийский рубеж. С. 72-73.

Сирии»³². В феврале 2012 г. на совещании Министров иностранных дел ЛАГ было принято решение «о прекращении всех форм дипломатического сотрудничества с представителями сирийского режима в государствах и международных органах»³³. В мае 2013 г. эти же страны выступили авторами и инициаторами принятия резолюции ООН, осуждающей «применение сирийскими властями тяжелых вооружений, грубые нарушения прав человека, обстрелы территорий соседних стран» и приветствующей создание НКОРС³⁴.

Наряду со странами Запада и «аравийской шестеркой» Турция была заинтересована в ослаблении Сирии как союзника Ирана – конкурента Турции в борьбе за лидерство на Ближнем Востоке.

Россия выступила в роли союзника Сирии в конфликте и направила все свои усилия на его политическое решение. Россия неоднократно использовала свое право вето при голосовании резолюций Совета Безопасности ООН по Сирии, предполагавших ужесточение санкции в отношении режима Асада, была одним из организаторов встреч с сирийской оппозицией в Женеве в 2012–2014 гг., принимала представителей оппозиции в Москве в 2011 и 2015 гг., стала инициатором проекта по уничтожению химического оружия в Сирии в 2013 г., не допустив военного вмешательства США. С конца сентября 2015 г. по просьбе правительства Сирии Россия оказывала военную помощь Сирии в виде поддержки частей сирийской регулярной армии силами военной авиации и нанесения авиаударов по террористическим группировкам. В результате 27 февраля 2016 г. было объявлено о режиме прекращения огня между некоторыми сторонами конфликта³⁵. В декабре 2017 г. президент России В. В. Путин объявил о начале вывода российских ВКС из Сирии в связи с выполнением боевых задач. Выступая перед военными на авиабазе в Хмеймиме, российский лидер обозначил достигнутые на том этапе цели – со-

³² *ءارزو ؤيجراخلا برعلا نوقلعي ؤيوضع ابروس ؤعماجلاب نوعديو ىلا بحس ؤارفسلا* (Министры иностранных дел арабских стран приостанавливают членство Сирии в ЛАГ и призывают к отзыву послов) // Аль-Арабия. 13.11.2011. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/11/12/176659.html> (дата обращения: 21.05.2019).

³³ *ءضراعما فقوم نونبتيو نيبقارملا ؤمهم نوهني ا* (ЛАГ завершает миссию наблюдателей и принимает сторону оппозиции) // Аль-Ватан. 13.02.2013. URL: <http://www.alwatan.com/graphics/2012/02feb/13.2/index.html> (дата обращения: 22.05.2019).

³⁴ Генеральная Ассамблея ООН. Шестьдесят седьмая сессия. Положение в Сирийской Арабской Республике. 8 мая 2013 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/67/L.63> (дата обращения: 21.05.2019).

³⁵ Режим прекращения огня в Сирии вступает в силу в субботу // РИА. 27.02.2016. URL: http://ria.ru/syria_peace/20160 (дата обращения: 21.05.2019).

хранение Сирии как суверенного и независимого государства, создание условий для политического урегулирования под эгидой ООН, начало процесса возвращения беженцев в свои дома³⁶.

Заключение. Политические трансформации на Ближнем Востоке, вызванные событиями «арабской весны», послужили стимулом к активизации внешней политики как для России, так и для Ирана. На руку обоим государствам играло свержение лояльных Западу режимов и распространение антиамериканских настроений. В этой ситуации и Москва, и Тегеран готовы были предложить региональным игрокам свое стратегическое видение будущего развития.

Претендуя на статус мировой державы, защищающей идею построения полицентричного мира, Россия выступала против вмешательства США и стран НАТО во внутренние дела государств региона. Стремясь к имиджу неидеологизированного, прагматичного и надежного участника международных отношений, Россия строила свою политику на принципе балансирования между государствами Ближнего Востока, оставляя при этом открытыми и каналы диалога с западными партнерами.

Иран, претендующий на роль регионального лидера, обозначал свои предпочтения по линии «свой-чужой» гораздо жестче. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Хаменеи предполагала объединение мусульман региона под знаменем чистого Ислама, поднятого Ираном в 1979 году. Созданная Тегераном общественно-политическая модель была категорически враждебна как западному миру, так и «американским сателлитам» в регионе – аравийским монархиям и Израилю.

Конфликт в Сирии создал уникальный контекст, в котором Россия и Иран впервые в их истории оказались по одну сторону фронта, так как Сирия играла важную роль в региональной политике обеих стран. В основу сотрудничества Москвы и Тегерана легли стремление сохранить целостность Сирии под управлением легитимного правительства, а также сходство подходов в оценке угрозы радикального суннитского исламизма и в борьбе с террористами, к каковым причислялись и ряд группировок из антиасадовской оппозиции.

³⁶ Путин приказал начать вывод российской группировки из Сирии // РИА Новости. 11.12.2017. URL: <https://ria.ru/20171211/1510638374.html> (дата обращения: 21.05.2019).

Благодаря сотрудничеству российских и иранских войск в Сирии в 2015-2016 гг. удалось уберечь Сирию от «ливийского сценария» и сохранить ее государственные институты. Дипломатическое взаимодействие Москвы и Тегерана в рамках астанинского формата позволило открыть путь к налаживанию гражданского диалога и дальнейшему политическому урегулированию ситуации в САР. Тем не менее, говорить о российско-иранском стратегическом партнерстве не приходится – ни в рамках региона, где стороны расходятся по вопросу отношений с Израилем и перспектив создания проиранской шиитской «оси сопротивления», ни даже в рамках одной Сирии, где между Ираном и Россией уже наблюдается соперничество за влияние на истеблишмент, армию и население.

В то же время, анализ современных концептуальных основ российской и иранской внешней политики позволяет говорить о том, что у двух стран нет непреодолимых идеологических разногласий – таких, как существуют, например, между Ираном и США. Более того, странам есть, что предложить друг другу в процессе стабилизации и создания устойчивой системы в Сирии и шире - на Ближнем Востоке. Иран с его ресурсами политического дискурса и культурным влиянием в регионе и Россия с ее военной и дипломатической силой могут выступать как жизнеспособный и эффективный тандем – при разделении сфер ответственности и понимании целей и приоритетов другой стороны.